

ОГО НЕЖЪ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“

№ 20

Понедѣльникъ, 24 сентября (7 октября) 1907 г.

№ 20

Князь фердинандъ Болгарскій и его дѣти: княжичи Кириллъ и Борисъ, княжны Евдокія и Надежда.
(По поводу 20-лѣтія княженія).

Болгарія и Россія 30 лѣтъ назадъ.

Только что закончились русско-болгарскія торжества по случаю открытія въ Болгаріи памятника Царю-Освободителю. Теперь, черезъ 30 лѣтъ, интересно оглянуться на прошлое.

Извѣстный военный писатель и боевой генералъ Паренсовъ, бывшій въ 1879 г. военнымъ министромъ Болгаріи, притомъ въ первомъ министерствѣ, сформированномъ послѣ войны за освобожденіе славянъ, знакомить съ этимъ прошлымъ въ только-что вышедшей книжкѣ „Русской Старины“. Точка зрѣнія генерала Паренсова такова: онъ никогда не признавалъ и не признаетъ теперь, что Болгарія оказалась неблагодарной, какъ это говорили многіе и даже официально. Въ очеркѣ генерала Паренсова есть много новаго, основаннаго на неизданныхъ документахъ.

Еще во время войны, медленно, но постепенно и упорно совершался въ арміи, а изъ нея передавался и Россіи, психологическій поворотъ въ воззрѣніяхъ на цѣль „освободительной“ войны, на ея причины, на „угнетенныхъ братьевъ—болгаръ, стонущихъ подъ мусульманскимъ игомъ, и на угнетателей—турокъ“. Роскошныя поля и пастбища Болгаріи, богатая производительность почвы, обиліе скота, а также обиліе плодовъ, про-

израстающихъ подъ солнцемъ юга, неизвѣстныхъ русскому крестьянину и недостатныхъ даже среднему классу жителей сѣвернаго колосса, навели на мысль: да гдѣ же это бѣдствіе одноплеменнаго и единовернаго намъ народа, гдѣ же угнетеніе, гдѣ страданіе? Это говорилось въ войскахъ; сопоставлялито, что было воочію, съ тѣмъ, что оставлено на родинѣ. Присовокупляли также, что въ Турціи христіане (читай—болгары) „отъ рекрутчины освобождены“. Какое же тутъ страданіе? И никто, никто этимъ вопросомъ не занялся... Никому не пришло въ голову объяснить сомнѣвавшимся, что весь этотъ достатокъ только фикція, такъ какъ не только любой паша, но

и вліятельный турокъ всегда могъ отнять не одно имущество, но и жену, дочь и самую жизнь хозяина, при томъ безъ всякой апелляціи. Только потому, понемногу, трупы болгаръ, ихъ женъ и дѣтей, зарѣзанныхъ въ Эски-Загрѣ, Ени-Загрѣ, Казанджыкѣ и т. д., да видъ нашихъ солдатъ, раненыхъ и добытыхъ турками подъ Плевной, въ Телишѣ... содѣйствовали просвѣтлѣнію массъ...

Еще фактъ, дѣйствовавшій на психологію. Въ началѣ нашего триумфальнаго шествія, — торжественныя встрѣчи съ хоругвями и образами, букеты цвѣтовъ, буквальное закидываніе цвѣтами, мясо, овощи, фрукты, вино— и все въ изобиліи, все даромъ... а потомъ, послѣ нашихъ неудачныхъ экспериментовъ, налетовъ, „впередъ, впередъ“, послѣ рѣзни за Балканами, въ Ловчѣ, Плевнѣ, при нашемъ вторичномъ пришествіи на тѣ же мѣста: заколоченныя ставни, запертые, пустые дома, невозможность за деньги достать хоть какой-нибудь провизіи... Я это испыталъ лично, когда во второй разъ, 22-го августа, взяли Ловчу.

Понятно, что на требованіе провизіи, даже за деньги, получался отвѣтъ: „Нема, нема; турци дошли, всички забили, всички убили“... И такъ, съ одной стороны, видимое глазу довольство порождало скептицизмъ, ставило вопросъ: гдѣ бѣднота, гнетъ? и другой, истекавшій изъ пераго: зачѣмъ же эта война? а съ другой—нѣчто уже болѣе рѣзкое, даже злобное: „какъ, я пришелъ тебя освобождать, терплю муку, за тебя кровь проливаю, а ты передо мной дверь затворяешь?.. Неблагодарный!“

Осужденіе модернизма папой Піемъ X.
Глава католическаго міра торжественно подписываетъ энциклику, осуждающую современное мистическое движеніе и научный критицизмъ.

Слово было произнесено, распространялось, утвердилось,—даже до сего дня.

И не одна „сб́рая“ масса, въ своемъ естественномъ и даже законномъ невѣдѣнн, подчинилась этому вѣшнему впечатлѣнн; къ стыду нашему, и то, что называется интеллигенцѣй, мало освѣдомленная, не очень охочая добиваться корня, на что требуется нѣкоторая работа мысли, повѣрила вѣшности; слово „неблагодарность“ пустило корни и притомъ настолько, что даже одно высокопоставленное въ русской арміи лицо спросило рущукскаго митрополита Григорія, прѣхавшаго въ 1878 году въ Сань-Стефано: „Скажите, ваше высокопреосвященство, неужели болгары окажутся впоследствии такими же неблагодарными относительно насъ, какими выказали себя румыны и сербы?“ Очень умный и очень хитрый митрополитъ, никакой особой любви къ Россіи не питавшій, да, въ сущности, никого кромѣ себя не любившій, большой политикъ, не безъ ехидства отвѣтилъ: „Болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете.“

И вотъ становитея передъ нами страшной величины вопросъ: дѣлали-ли мы, начиная съ сань-стефанскаго мирнаго договора и по сей день, т. е. на протяжении почти 30 лѣтъ, то, что отняло бы даже самую возможность повторенія разговоровъ, подобныхъ только что приведенному выше?

21-го октября 1879 года открылось первое народное собраніе княжества. Въ длинной тронной рѣчи князя обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчеркивается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ“, но о Россіи, хотя бы и „непросвѣщенной“, но все же „освободительницѣ“—ни слова. „Неблагодарные“ болгары, въ лицѣ своихъ избранниковъ, членовъ перваго народнаго собранія 1879 года, отвѣчая на тронную рѣчь адресному, въ самомъ началѣ его помѣстили слѣдующее:

„...Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, нспѣшили сдѣлать нашему Царю-Освободителю, чтобы поблагодарить его съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа за безчисленныя благодѣнія, сдѣланныя имъ и его народомъ для нашего освобожденія. Народное собраніе, имѣя въ виду, что всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды великихъ дѣлъ нашихъ освободителей, въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытн каждой сессіи выражать черезъ вашу свѣтлость свою искреннюю любовь и признательность великому русскому мочарху, Его Императорскому Величеству Александру II, и его народу, дабы узы, соединяющія два братскихъ народа, съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими“.

Адресъ долженъ былъ быть поднесенъ 16-го ноября, а 17-го ноября флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ телеграфировалъ шифромъ изъ Софіи въ Петербургъ военному министру, графу Милютину:

„Кризисъ продолжается. Карвелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ говорить, но, подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнитъ титула на „высочество“ и не вычеркнутъ рѣшеніе собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить Государя. Убѣждаю измѣнить редакцію адреса“.

„Дипломаты“ и еще „нѣкоторые“ одолѣли; собраніе было распущено. „Нѣкоторые“ приписывали это нвушеніямъ Россіи; винили и

меня, какъ члена кабинета. Что касается меня, то въ книгѣ моей я докажу документамъ, напечатать ихъ fac simile, что я, военный министръ членъ кабинета, узналъ о роспускѣ собранія, послѣ совершенія этого акта, не будучи преднамѣренно приглашаемъ въ тѣ засѣданія министерскаго совѣта, на которыхъ этотъ роспускъ обсуждался и былъ рѣшенъ. Что же касается до участія въ этомъ роспускѣ Россіи, то вотъ документы:

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го ноября и телеграмму отъ 13-го ноября.

Софія. Флигель-адъютанту полковнику Шепелеву. 15-го ноября.

„Письмо ваше 4-го ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13-го и 14-го ноября. Высказываемыя вами соображенія согласуются съ Высочайшею волею. Давыдову сообщено повелѣніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску собранія до послѣдней крайности, испытать сперва всѣ средства къ образованію новаго кабинета“.

И роспускъ народнаго собранія 1879 года и особенно переворотъ 1881 года были, по тогдашней видимости, дѣломъ рукъ Россіи. Эту видимость неустанно поддерживали враги Россіи, враги Болгаріи, враги славянства. Немудрено, что этому вѣрили въ Болгаріи, вѣрили и возмущались. Мало того, чѣмъ болѣе болгаринъ былъ патриотомъ, чѣмъ ближе былъ ему судьбы родины—тѣмъ возмущался онъ сильнѣе и яростно негодовалъ на, по тогдашней версіи, очевиднаго разрушителя болгарской самобытности. Повторю еще разъ, что это негодованіе, этотъ пылъ самымъ тщательнымъ и искуснымъ образомъ раздувался всѣми тѣми, кому славянское единеніе было не на руку, для кого славянское разединеніе было задачей дѣятельности и даже существованія. Известно, что въ подобныхъ осложненіяхъ, слѣпыхъ орудій, иезуитски веденной интриги—сколько угодно. Къ тому же, тутъ якобы несомнѣнная и якобы очевидная видимость. Не мудрено, что пылкой и въ то же время крайне несдержанный Карвеловъ, видя торжество враговъ его родины, гибель его идеи, принужденный бѣжать въ Румелію, сталъ во главѣ враждебнаго Россіи печатнаго органа „Независимость“, а другой, болѣе сдержанный, чѣмъ Карвеловъ, но не менѣе пламенный патриотъ—Драганъ Цанковъ—писалъ о „медѣ“ и о „жалѣ“. Оба эти популярныя дѣятели были во главѣ партій, имѣли массу приверженцевъ. Послѣдствія понятны: армія „неблагодарныхъ“ выросла.

Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь письменнаго отзыва другаго великаго болгарскаго патриота, тырновскаго митрополита Климента, бывшаго въ мое время министромъ просвѣщенія и, за выѣздомъ князя въ Россію, регентомъ княжества. Др. Цанковъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Высокопочтимый іерархъ—нашъ общій другъ—поручилъ моему зятю (Людсканову), послѣ полученія вашего письма, передать вамъ его благодарность за вашъ сердечный привѣтъ. Митрополитъ Климентъ получилъ ваше письмо, но въ виду непріязненнаго отношенія нынѣшнихъ нашихъ управителей къ нему, онъ съчелъ благоразумнѣе не довѣрять болгарской почтѣ свой отвѣтъ вамъ, а подождать, пока не представится болѣе надежный каналъ для переписки“.

Митрополитъ Климентъ былъ посаженъ Стамбуловымъ въ Тырновскую тюрьму и послѣ освобожденія изъ нея, отъ перенесенныхъ во время этого заточенія огорченій и страданій, скончался.

Мнѣ пришлось упомянуть имя Стамбулова, имя, которое противники моихъ взглядовъ могутъ выставить въ подтвержденіе ихъ ошибочности. Стамбулова я зналъ лично, когда онъ, не имѣя возрастнаго ценза, не достигши 30 лѣтъ, благодаря подчисткѣ документовъ, попалъ въ первое народное собраніе. Мнѣ пришлось даже имѣть съ нимъ дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временнаго дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ народнаго собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполне миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалась въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ, и что они пришли ко мнѣ, уполномоченные всѣмъ народнымъ собраніемъ заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполне довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи долѣе и продолжалъ бы работать попрежнему.

Въ концѣ этой частной бесѣды мнѣ было заявлено, что собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ (франковъ), какъ я прошу, но 15-ть (вмѣсто 8-ми прежнихъ), лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполне довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорили искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю, однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а, во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, приведенныя мною выше, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ, главнымъ образомъ, наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые.

Возвращусь къ Стамбулову, этому врагу Россіи. Что онъ изъ себя изображалъ въ дѣйствительности? Сынъ турчанки, полуболгаринъ - полутурокъ, недоучившійся семинаристъ одесской семинаріи, изгнанный оттуда за нигилизмъ, въ то время расцвѣтшій въ Россіи, Стамбуловъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ „болгаринъ“, а еще менѣе, какъ представитель болгаръ, въ собирательномъ смыслѣ, въ которому можно судить о болгаряхъ. Непомнѣрно честолюбія и властолюбія, совершенно безъ всякихъ принциповъ, жестокой и сластолюбивый, очень умный и до крайности рѣшительный, пламенный и краснорѣчивый ораторъ толпы, Стамбуловъ могъ бы во времена оны съ успѣхомъ фигурировать въ роли какого-нибудь прославленнаго желѣзною волею и злобою бандита или пирата, вообще — такого дѣятеля, котораго выдвигаютъ на верхъ волны бушующаго моря смуты въ обществѣ или государствѣ.

Микроскопическій, жестокой Дантонъ, съ примѣсомъ женолюбиваго Бара, Стамбуловъ взялъ палку и сдѣлался капраломъ только потому, что Болгарія того времени, очутившаяся на свободѣ послѣ 500-лѣтняго ига, въ зачаточномъ подобн государственствѣ, послѣ неудачныхъ экспериментовъ разныхъ формъ правленія, сбитаъ съ толку всевозможными

„давлениями“, представляла изъ себя легкую добычу для того, кто, будучи хорошо одаренъ отъ природы, не стѣснялся ничѣмъ: ни религіей, ни совѣстью и честью, ни,—говорю это утвердительно — патриотизмомъ. Идеаломъ, къ которому стремился Стамбуловъ, было удовлетвореніе его личныхъ страстей: властолюбія, честолюбія и сладострастія, а средствомъ къ достиженію такого блаженства—палки, пытки и казни. Кто шелъ противъ него, или даже могъ бы пойти противъ него—убивался, устранился такъ или иначе. Россія, благожелательная къ Болгаріи, стремившаяся содѣйствовать насажденію въ ней порядка, мира, тишины, благоденствія и процвѣтанія, естественно и очевидно должна была быть противникомъ не какого-то недоучившагося семинариста Степана Стамбулова, а всѣхъ тѣхъ принципозъ (скорѣе, безъ принципозъ), которые въ немъ воплощались и служили исключительно ко вреду самой Болгаріи, страны, только-что освобожденной отъ другого ига, страны, призванной къ извѣстной роли среди славянскихъ земель. Но Россію устранить совсѣмъ изъ списка существующихъ государствъ—нельзя, можно только ее игнорировать, опираясь на ея „вышнихъ“ враговъ, идя съ ними рука объ руку. Повторяю: на Стамбулова нельзя смотрѣть, какъ на представителя, какъ на воплощеніе болгарь, Болгаріи, такъ же, какъ нельзя считать Дантона и Марата—воплощеніемъ Франціи. Поэтому и политику Стамбулова по отношенію къ Россіи нельзя признавать за политику Болгаріи, изъ этого же слѣдуетъ, что страница исторіи Болгаріи, время тиранніи Стамбулова, не можетъ быть разсматриваема, какъ „неблагодарная“ страница изъ жизни Болгаріи по отношенію къ державѣ—„освободительницѣ“. Стамбуловъ былъ особнякъ, выродокъ, и время его диктаторства было несчастнымъ кровавымъ эпизодомъ жизни юнаго государства, прежде всѣхъ и больше всѣхъ стонавшаго подъ игомъ домерзшеннаго тирана.

Упоеніе смертью.

Когда стали извѣстны странныя подробности трагедіи, совершившейся въ Терновскихъ плавняхъ, гдѣ сектантомъ Федоромъ Ковалевымъ были заживо похоронены въ склепѣ и мужчины, и женщины,—Левъ Николаевичъ Толстой, потрясенный и взволнованный, сказалъ:

— Это ужасно, ужасно! Но трудно оторваться отъ приковывающей мысли... Что-то есть здѣсь примиряющее, здѣсь есть какое-то искупающее упоеніе смертью. При всей мрачности этого ужаса отъ него вѣетъ такой тишиной, такимъ спокойствіемъ... И, странная вещь, всѣ поражены, всѣ считаютъ это чѣмъ-то неслыханнымъ, и думаютъ, что никогда этого не было.

Между тѣмъ, возьмите старину, возьмите сохранившуюся легенду о смерти ветхозавѣтнаго Аарона, и вы увидите, какъ все поразительно повторяется.

Смерть Аарона по этой легендѣ тоже была похожа на смерть терновскихъ мучениковъ. Вотъ эта легенда.

Получилъ Моисей повелѣніе отъ Бога извѣстить брата о послѣднемъ часѣ его.

Всю ночь провелъ онъ безъ сна, и едва забрезжило утро, онъ всталъ и въ сильномъ волненіи пошелъ къ Аарону.

Братъ удивился его раннему приходу.

— Я размышлялъ,—сказалъ Моисей,—о трудныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія и вотъ пришелъ къ тебѣ, чтобы обсудить ихъ вмѣстѣ.

Братья открыли святую книгу Торы и стали читать съ самаго начала.

На каждомъ мѣстѣ они прерывали чтеніе и восклицали: „Это свято, это велико, это справедливо!“

Когда они дошли до мѣста, гдѣ говорится о грѣхѣ Адама и о томъ, какое наказаніе послѣдовало ему, Моисей вздохнулъ и произнесъ:

— О, Адамъ, Адамъ! Зачѣмъ принесъ ты міру смерть?

Ааронъ прервалъ его:

— Къ чему скорбѣть, мой братъ? Не ведетъ ли смерть къ блаженству вѣчному и неизяснимымъ радостямъ райа?

Тогда Моисей вдругъ спросилъ его:

— Какъ полагаешь, сколько тебѣ еще осталось жить?

— Полагаю, лѣтъ двадцать,— отвѣтилъ Ааронъ, недоумѣвая, зачѣмъ это вдругъ его спрашиваютъ объ этомъ.

— О, гораздо меньше! — возразилъ съ грустью Моисей.

— Быть можетъ, пятнадцать,—уступилъ Ааронъ.

— И того меньше, братъ мой!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, десять...

— О, еще меньше!..

— Пять?..

— Меньше!..

Ааронъ началъ догадываться объ ужасной тайнѣ, и душой его овладѣло предсмертное волненіе.

— Любезный братъ!—сказалъ Моисей,—если бы Богъ извѣстилъ тебя, что ты умрешь черезъ сто лѣтъ, что сказалъ бы ты?

— Я сказалъ бы, что Господь справедливъ.

— А если Онъ извѣстилъ бы тебя, что ты долженъ умереть сейчасъ же?..

И Моисей опустилъ глаза долу.

— Я сказалъ бы,—отвѣтилъ съ покорностью Ааронъ,—что Превѣчный справедливъ и желаетъ мнѣ того, что лучше для меня.

— Такъ слѣдуй за мною, братъ!

И Моисей повелъ за руку Аарона.

Они вззошли на высокую гору, и на вершинѣ горы открылась передъ ними глубокая пещера.

Въ пещерѣ стоялъ гробъ.

Ааронъ легъ въ гробъ и сталъ готовиться къ смерти.

— Горе мнѣ,—воскликнулъ Моисей, едва удерживая слезы,—при смерти сестры нашей мы оба были, при твоей—нахожусь я; кто же будетъ при моей смерти?

И голосъ послышался съ неба: „Превѣчный!..“

Тогда Моисей поцѣловалъ умирающаго въ лобъ и принялся разоблачать его.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ тѣло Аарона обнажалось, ихъ окружало и покрывало чудное небесное облако.

Вонзиралась тишина, и Ааронъ, казалось, погружался въ сладкій сонъ.

Моисей тихо вышелъ изъ пещеры и привалилъ камень у входа.

— Что чувствуешь, братъ? — спросилъ Моисей, плотно затыкая и замуровывая всѣ отверстія входа.

— Чувствую, что легкое облако окружаетъ меня.

Моисей продолжалъ муровать, и когда кончилъ, снова спросилъ:

— Что чувствуешь теперь, Ааронъ?

— Чувствую, какъ облако наполняетъ меня небесною отрадою.

— А теперь? — спросилъ Моисей, постоая.

Едва слышный голосъ донесся:

— Такъ хорошо!..

И Моисей увидѣлъ подымавшуюся къ небу душу брата.

— Счастливецъ! — воскликнулъ онъ ему вслѣдъ.—О, еслибъ и моя смерть была такою!..

Такова легенда.

И. Генеромо.

Съ русскими эмигрантами.

(Лутевые наброски).

VIII.

Стоянка въ Нью-Йоркѣ.—О русскихъ иммигрантахъ.—Количество иммигрантовъ.—Почему люди возвращаются въ Россію?—Что больше всего способствовало бы возвращенію эмигрантовъ въ Россію?—Коптора „К. В. Ричардъ и Ко“.—Вышній видъ иммигрантовъ.—Посадка на пароходъ.—Прощаніе съ Америкой.—Мысли о Россіи.

Пароходы Добровольнаго флота имѣютъ въ Нью-Йоркѣ семидневную стоянку, а затѣмъ снова пускаются въ далекій обратный путь—въ Либаву. Экипажу не удается даже хорошо отдохнуть и поразмять кости на берегу. Снова океанъ, съ его горестями и радостями, снова большая и трудная служба, снова громадное количество пассажировъ, оставляющихъ свободную и счастливую Америку и ѣдущихъ въ свою любимую и родную Россію.

Странное дѣло! Число людей, возвращающихся изъ Америки въ Россію, увеличивается съ каждымъ днемъ, и количество русскихъ иммигрантовъ не только не ниже количества эмигрантовъ, покидающихъ Россію, но даже превосходить его. Мы возвращаемся назадъ на „Москвѣ“, а съ нами 1,238 пассажировъ! Это за одну-то недѣлю и на одномъ только пароходѣ! Почти всѣ они направляются въ Россію, и только очень, сравнительно, небольшое число ѣдетъ въ другія страны—въ Галицію, Прусскую Польшу и Голландію.

* * *

Причины большого обратнаго движенія въ Россію изъ страны свободы очень сложны и разнообразны. Тутъ перемѣшаны вопросы и экономическіе, и политическіе, и чисто-семейные, и многіе другіе. Ѣдутъ домашніе рабочіе, отправившіеся на нѣсколько мѣсяцевъ, а то и лѣтъ, въ Америку, съ дѣлюю собрать деньжонокъ и вернуться на родину, чтобы зажить по-человѣчески. Ѣдутъ мужья и отцы—за своими семьями, боящимися совершить страшный путь по океану безъ опытнаго руководителя. Ѣдутъ люди, которымъ не по душѣ пришелся характеръ американской жизни—буржуазный, сухой и депежный, и которые все время своего пребыванія въ Америкѣ никакъ не могли осилить старыя привычки и симпатіи и только и мечтали о скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію, живущую духомъ и стремящуюся къ раскрѣпощенію. Что подблаещъ — „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“...

Многіе неудачники никакъ не могли приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, не могли поспѣть за американскимъ „темпомъ жизни“, не могли никакъ найти приложенія своимъ силамъ и ѣдутъ домой, въ надеждѣ, что счастье имъ все же улыбнется на родинѣ. Иные американскій климатъ вреденъ, и они, худые и блѣдные, ѣдутъ назадъ поправлять свое разстроенное здоровье. Не мало и такихъ, что, послѣ многихъ лѣтъ разлуки съ родиной и родными, собрались—таки потогнуть въ Россію, посмотрѣть старыя мѣста, заплакать надъ родными могилами и снова вернуться въ свое второе отечество.

Кн. И. Т. Чавчавадзе, величайшій
грузинскій поэтъ,
членъ Т. Совета, убитый 30 августа.

Иммигрантовъ, которые собирались бы покинуть Америку навсегда, очень мало. Общее среди всѣхъ „обратныхъ“ пассажировъ мнѣніе, что они наврядъ-ли смогутъ остаться въ Россіи, и что, „познавши сладкаго, они не захотятъ удовлетвориться горькимъ“.

* * *

Прислушиваясь къ толкамъ эмигрантовъ, я убѣдился, что съ водвореніемъ въ Россіи нормальнаго порядка вещей огромная масса народа широкой волной снова придутъ въ Россію. Всѣ иммигранты полны непреклонной вѣры въ будущее экономическое могущество Россіи, нынѣ разоренной всѣми этими погромами, волненіями и смутой.

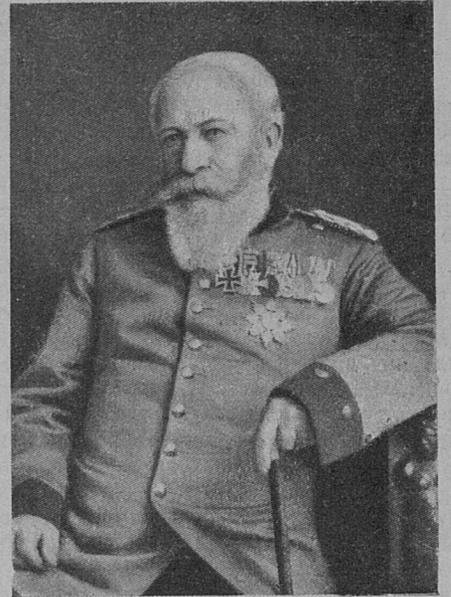
Всякое извѣстіе о Россіи, очевидно, сильно интересовало и волновало нашихъ соотечественниковъ въ Америкѣ. Въ каждой газетной замѣткѣ о родной странѣ (а рѣдкая газета въ Америкѣ не помѣщаетъ ежедневно хоть нѣсколько строкъ о Россіи), въ каждомъ словѣ ловили надежду, что, можетъ быть, въ Россіи наступили уже свѣтлыя времена.

* * *

Пароходы Добровольнаго флота изъ Нью-Йорка въ Либаву идутъ почти всегда переполненные. Контора „К. В. Ричардъ и Комп.“,

такъ же, какъ и „Кни, Фалькъ и Комп.“ въ Либавѣ старается изо всѣхъ силъ, открыла по всѣмъ почти американскимъ городамъ конторы и отдѣленія, имѣетъ повсюду агентствъ, всѣми своимъ пассажирамъ общаетъ золотыя горы и... наживается сама. Продажа билетовъ (или „тикеттовъ“) производится и въ отдѣленіяхъ, и агентствахъ, но, главнымъ образомъ, конечно, въ центральной конторѣ. Уже за нѣсколько дней до отхода парохода въ конторѣ начинается большое оживленіе, особенно, въ одной части ея, завѣдывающей дѣлами Добровольнаго флота.

Народу приходитъ масса, и работа кипитъ во-всю. Но здѣсь нѣтъ и сотой доли той толкотни и давки, которая такъ поражаетъ непривычнаго человѣка въ Либавѣ. Все идетъ спокойно, тихо, въ полномъ порядкѣ. Медленно, не торопясь, съ полнымъ сознаниемъ своего собственнаго достоинства, подходятъ пассажиры къ конторскому окну и, сдѣлавъ свое дѣло, записавъ свое имя и

Великій герцогъ Баденскій Фридрихъ I.
† 23 сентября н. с.

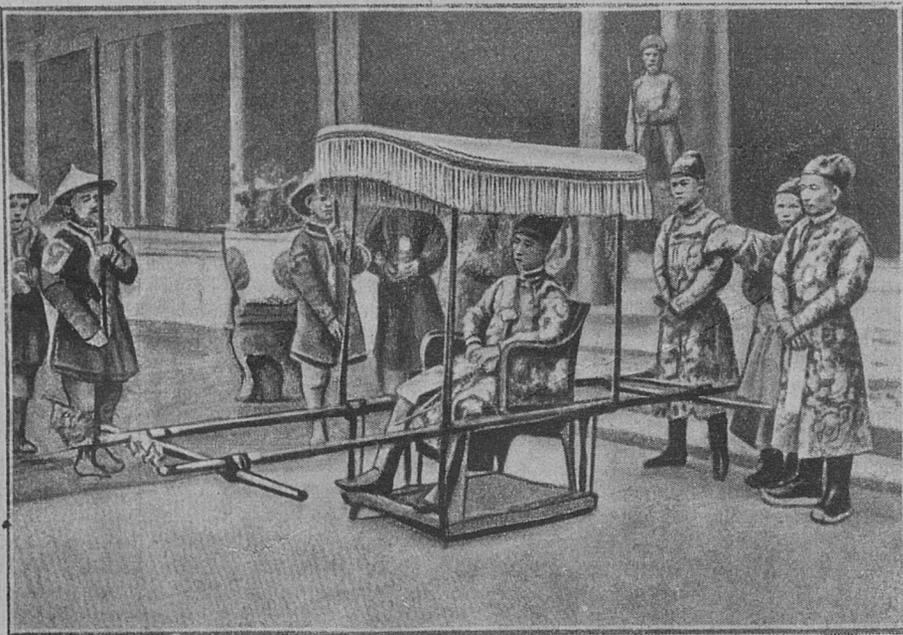
получивъ билетъ, такъ же спокойно уходятъ. Нѣтъ здѣсь брани, нѣтъ толкотни, нѣтъ „рукоприкладства“.

Самые эмигранты далеко не то, что эмигранты въ Либавѣ. Тамъ была одна грязь, одна нищета, одна пришибленность, одинъ страхъ. А вы посмотрите, что сдѣлала изъ этихъ несчастныхъ людей свободная Америка! Прежде всего, нѣтъ этой ужасной нищеты, которую приходится видѣть среди эмигрантовъ въ Либавѣ. Рѣдкій иммигрантъ, отправляющійся въ Россію, не имѣетъ съ собой тридцати-сорока, а то и гораздо больше долларовъ. Нѣкоторые сдавали пароходному ревизору на храненіе по нѣскольку даже сотъ,—а это сумма не малая,—вѣдь, долларъ равенъ почти двумъ русскимъ рублямъ.

Нѣтъ этой громадной массы ящичковъ, ящичковъ, корзиночекъ и корзинокъ. Здѣсь берется только самое необходимое, и все это—

Аннамская королевская семья.

Аннамскій Меронъ. — Танъ-Танъ, бывшій король Аннама, низложенный французами за свою нечеловѣческую жестокость.

Современные англійскіе дѣтели.

М-ръ Ричардъ Белль, некогда желѣзнодорожный кондукторъ, а нынѣ членъ парламента, генеральный секретарь союза желѣзнодорожныхъ служащихъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣтелей современнаго демократическаго движенія въ Англии.

Расхищеніе смоленскихъ древностей.

Древнее изображеніе Бога Саваома.

Вследствие небрежнаго присмотра въ смоленскомъ музее церковныхъ и этнографическихъ рѣдкостей стали приходиться въ упадокъ и пропадать рѣдчайшія вещи. Назначена ревизія.

въ американской упаковкѣ, въ чистыхъ и красивыхъ чемоданахъ—имѣеть очень приличный, „заграничный“ видъ.

Одѣты всѣ иммигранты, конечно, по-американски—чисто и прилично. Поражаетъ чистота бѣлыя даже на бѣднѣйшихъ пассажирахъ,—опрятность для человѣка изъ Россіи небывалая и удивительная. На всѣхъ почти мужчинахъ—котелки, женщины въ чистыхъ платьяхъ, на рукахъ не мало золотыхъ колецъ.

Не замѣчается торопливости и суетливости, которая такъ отличаетъ русскаго эмигранта.

Русская рѣчь, очень часто и обильно разбавленная англійскими словами и выраженіями, совсѣмъ отдаётъ Америкой. Русскіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, въ теченіе одного года научаются недурно объясняться по-англійски и потомъ, даже на родинѣ, долго еще употребляютъ англійскіе термины и слова.

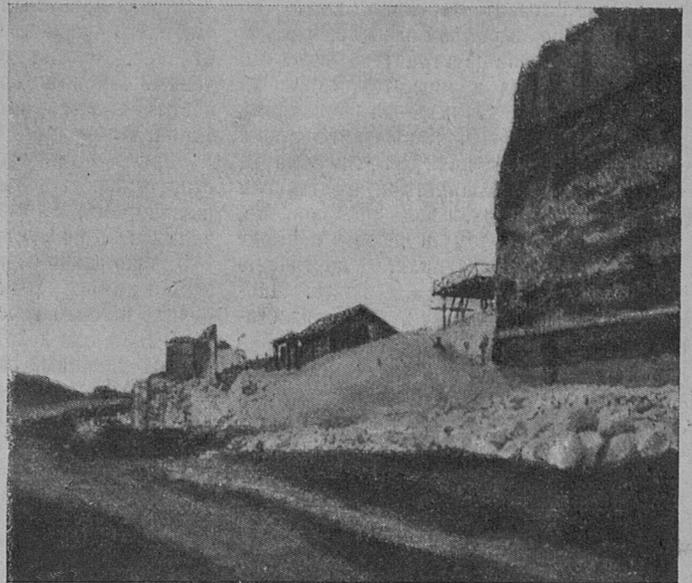
* * *

Посадка на пароходѣ въ Нью-Йоркѣ мало похожа на либавскую суету.

Въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ все кончено: всѣ размѣстились по трюмамъ, уложили свои пожитки и всѣ вышли на палубу прощаться съ родными и знакомыми.

Свистки быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ. Вотъ и послѣдній, третій, свистокъ, пароходъ начинаетъ понемногу двигаться. Снизу раздается хоръ привѣтствій, пожеланій, замелькали въ воздухѣ бѣлыя платки, поднимается плачь и остающихся, и уѣзжающихъ, и черезъ минуту двѣ пристани уже кажутся совсѣмъ маленькой, а людей на ней и подавно не видать. Пароходъ сразу идетъ быстро и плавно, благо, теперь пять часовъ пополудни, свѣтло и тихо, встрѣчныхъ судовъ мало, и мы все удаляемся отъ Нью-Йорка.

Вотъ и Нью-Йоркъ въ послѣдній разъ предсталъ предъ нами во всей своей громадной величинѣ, вотъ и „небоскребы“, съ вѣчно-

Разрушаемая городомъ знаменитая смоленскія стѣны въ нынѣшніе дни.

дымящимися трубами, въ послѣдній разъ поражаютъ глазъ своей поднебесной высотой, а вотъ на прощанье и знаменитая статуя Свободы...

Пароходъ летитъ на всѣхъ парахъ... Еще нѣсколько часовъ—и мы снова среди морской стихіи... Снова цѣлыхъ семнадцать дней пути!

„Москва“—краса и гордость Добровольнаго флота на линіи Либава—Нью-Йоркъ. Переименованный въ „Москву“ изъ „Fürst Bismark'a“, принадлежавшаго „Hamburg America Linie“, нѣсколько приспособленный для плаванія по Атлантическому океану, заново отдѣланный и исправленный—пароходъ, безспорно, занимаетъ среди остальныхъ пароходовъ Добровольнаго флота первое мѣсто.

Въ общемъ, обратное плаваніе на этотъ разъ прямо великолѣпное. Все время погода

Высочайшій въ мірѣ домъ.—Строющійся домъ Зингера въ Нью-Йоркѣ, въ 41 этажъ, высотой болѣе 400 футовъ.

Присужденіе школьныхъ наградъ въ XX вѣкѣ. фонографъ декламируетъ и поетъ вмѣсто воспитанницъ на актѣ въ парижской школѣ искусствъ и ремеселъ.

была благоприятная; пароходъ шелъ по океану, какъ по огромной заснувшей рѣкѣ. Только необозримое пространство воды по всѣмъ сторонамъ, да полное отсутствіе суши напоминало есѣмъ, что мы—на громадномъ Атлантическомъ океанѣ. Насъ за все время почти ни разу не качнуло. Пассажиры, въ громадномъ большинствѣ, чувствовали себя отлично. О морской болѣзни, конечно, не было и рѣчи. Поэтому и чистота повсюду была, сравнительно, недурная, и настроеніе не оставляло желать ничего лучшаго. Многимъ эмигрантамъ прямо не хотѣлось разставаться съ пароходомъ.

Большая часть, около 1,150 человекъ, ѣхала не на Либаву, а только до Роттердама, а оттуда уже сухимъ путемъ въ Россію. Эмигранты считаютъ почему-то этотъ путь и удобнѣе, и дешевле.

Уже за 2—3 дня до прихода въ Голландію начинается упаковка вещей и сборы въ дорогу. Но все это еще продолжаетъ носить чисто-американскій характеръ—все дѣлается спокойно и чинно.

Теперь всѣ разговоры начинаютъ вертѣться вокругъ Россіи. Просыпаются старыя воспоминанія, пробуждаются прежніе страхи. „Свободные американцы“ врядъ-ли скоро свякнутъ съ новыми теперь для нихъ условіями русской жизни. Черезъ 2—3 дня они въ своей Россіи! Что то ждетъ ихъ на родинѣ, куда они такъ рвались душой во все время пребыванія въ Америкѣ, что скажетъ своимъ дѣтямъ мать, принимая ихъ въ свое материнское лоно!?

Левъ Левиловъ.

Роттердашъ, 1907 годъ.

Нищій Богачъ.

(Отрывки изъ венеціанскихъ впечатлѣній).

Газеты—нарасхватъ. „Giornale di Venezia“ скоро выйдетъ третьимъ изданіемъ. У редакціи цѣлая толпа жаждающихъ получить этотъ сенсационный номеръ, прочесть про Энрико и Джузеппину—этихъ героевъ дня...

Подъ портиками, въ кафе, на piazza S.-Marco—огромное оживленіе... Толпы народа шумятъ, волнуются... У всѣхъ на устахъ эти два имени.

— Кто это?—спросилъ я проходившаго факино.

— Вы не знаете?... Синьоръ, вы шутите, конечно?—отвѣчала онъ мнѣ вопросомъ на вопросъ и, наконецъ, убѣдившись, что я ничего не знаю, добавилъ: — Энрико, нищій... Знаете, тотъ, съдой, что стоялъ всегда нальво отъ входа въ соборъ...

— Сгорбленный, на костыляхъ, съ большой библейской головой?—воскликнулъ я:—что-жь, ему, пожалуй, и пора, вѣдь сто лѣтъ ему ужъ, навѣрное, стукнуло!..

Факино укоризненно покачалъ головой.

— А полмилліона...

— Какіе полмилліона?

— Пятсотъ тысячъ лиръ оставилъ. Вѣроятно, все женѣ... Счастливая...

Мой собесѣдникъ, схвативъ у мчавшагося стрѣлой продавца номеръ мѣстной газеты, быстро раскрылъ ее и, ткнувъ въ нее пальцемъ, отдалъ мнѣ.

— Вотъ портретъ этого соборнаго нищаго, вотъ біографія, анекдоты, чьи-то воспоминанія...

Я быстро пробѣгаю статью и положительно глазамъ не вѣрю... Нищій Энрико оставилъ полмилліона лиръ!.. Перечислены бумаги, ихъ нумера, названъ даже банкъ — „Banca Commerciale Italiana“...

Энрико происходилъ изъ „большой“ фамиліи. У его предковъ былъ дворецъ на „Canale Grande“. Надъ входомъ красовался раззолоченный гербъ, который теперь потускнѣлъ и облѣзъ, и ждетъ съ нетерпѣніемъ новаго хозяина, который его бы отремонтировалъ...

Энрико былъ женатъ. Его „почтенную“ супругу знаетъ вся Венеція. Толстая, заплывшая жиромъ, съ глазами безъ рѣсеницъ, она занималась проституціей!..

Энрико около собора просилъ подаеніе, а „Джузеппина“ ходила по рукамъ среди рабочиыхъ и гондольеровъ.

— Баба она доходная, — цинично рассказывалъ покойный Энрико.

Сегодня утромъ хоронили Энрико. Черная, усыпанная цвѣтами гондола стояла у piazza S. Марко и ждала свою жертву. Современный Харонъ, одѣтый въ матросскую блузу, ходилъ по набережной и какъ бы гордился своимъ покойничкомъ.

Еще бы! Вѣдь, не каждый день приходится отвозить такихъ богачей! Вся Венеція провожала Энрико.

— Святой жизни былъ человекъ, — говорила какая-то женщина, съ головой, покрытой чернымъ платкомъ съ длинной бахромой.

— Хороша святость, — возражалъ рабочий, вымазанный въ известку, — женой торговалъ...

— Все газеты врутъ, — шипѣла она, — неправда!.. А если и такъ? Вѣдь, сто тысячъ на соборъ оставилъ, да столько же святѣйшему папѣ... Что-жь, — горячилась женщина въ платкѣ, — за двѣсти-то тысячъ Богъ не проститъ?... Какъ же!..

Вдали показался большой металлическій гробъ. Онъ медленно колыхался на рукахъ венеціанскихъ гражданъ. Впереди шелъ толстый, упитанный патеръ. Губы его беззвучно шептали молитву, утомленные глаза небрежно смотрѣли на нестройную толпу... За гробомъ, вся въ черномъ, шла Джузеппина и оживленно бесѣдовала, то съ однимъ, то съ другимъ.

— А вѣдь, эта дрянь, — указывая на нее, сказала мой пріятель, художникъ Ар—ини—теперь карьеру сдѣлаетъ!

— Какую?—засмѣялся я.

— Какъ какую? Выйдетъ замужъ за какого-нибудь дуку или контя... У ней, вѣдь, триста тысячъ! Шутка-ли? Въ Италіи это—рѣдкость. Маркиза Кастельбарко, когда его разорила пресловутая Кавальери, женился на восьмидесятилѣтней старухѣ, вдовѣ миланскаго ростовщика Мелеріо; разбогатѣвшая римская кокотка Олимпія, которую звали „la granda putana del mondo“, вышла замужъ за обѣднѣшаго графа Контарини...

Патеръ съ утомленными глазами медленно поднялъ руки къ небу, хоръ мальчишковъ въ красныхъ суганахъ пискливо затянулъ что-то...

Черная гондола, слегка качаясь, стала медленно удаляться отъ набережной. „Архангелы“ держали подъ козырекъ, а на piazza уже ставили пульты, принесли инструменты, готовились къ концерту.

Похороны Энрико были для венеціанцевъ утреннимъ развлеченіемъ, какъ концертъ — будетъ вечернимъ.

Венеція.

Н. Марковъ.

Испанскія тюрьмы.

Тѣни инквизиціи. — Истязаніе заключенныхъ. — Въ Тудельской тюрьмѣ. — Кандалы „для удобства“.

Процессъ анархистовъ, бросившихъ бомбы въ экипажъ испанской королевской четы 31-го мая прошлаго года, оконченъ послѣ девятидневнаго засѣданія.

Вынесенъ слѣдующій приговоръ:

Ферреръ, обвинявшійся въ составленіи заговора, какъ известно, оправданъ, между тѣмъ какъ престарѣлаго республиканскаго писателя Накенса, который изъ дурно понятнаго великодушія, помогъ бѣжать заговорщику Морралю, приговорили къ 9 годамъ тюремнаго заключенія.

Во время предварительнаго заключенія, которое продолжалось цѣлый годъ, Накенсъ написалъ рядъ замѣчательныхъ статей о жизни въ испанскихъ тюрьмахъ, которыя произвели большое впечатлѣніе и поведутъ, весьма вѣроятно, къ упраздненію многихъ непростительностей.

Испанскія тюрьмы никогда не пользовались доброй славой. Надъ ними тяготѣютъ тѣни инквизиціи, и подъ ихъ сводами еще и теперь скрыты орудія пытки. На ихъ стѣнахъ, казалось, окаменѣли вздохи и слезы, проклятія и угрозы, а на полу остались слѣды крови.

Навѣрно, никто не забылъ еще тѣхъ пытокъ, которымъ подвергались заподозрѣнные въ анархизмъ въ казематахъ Барселоны. Намъ возразить, что въ испанскихъ тюрьмахъ болѣе не повторялось подобныхъ ужасовъ.

Возможно, но что касается самой системы, то все испанскія тюрьмы представляютъ, каждая въ отдѣльности, настоящую пыталню. Личность и права каждого арестанта совершенно попираются и служатъ игрушкой дурного настроенія у сторожа или жандарма, не говоря уже о высшемъ начальствѣ.

Всѣ жалобы остаются безъ послѣдствій.

Дуба и прочія орудія пытки, конечно, применяются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, но при всемъ томъ считаются совершенно законными.

Какъ только арестантъ входитъ въ камеру, онъ подвергается цѣлому граду побоевъ, которые должны напоминать ему, что онъ потерялъ право быть человекомъ и считается членомъ общества.

Что касается до попеченія объ арестантахъ, то оно находится въ такомъ же первобытномъ состояніи, какъ и въ Марокко. Если у арестанта есть деньги, тароватые родственники или друзья, то онъ можетъ великолѣпно жить въ тюрьмѣ. Въ такомъ случаѣ ему даже позволено пользоваться дамскимъ обществомъ...

Но если у него нѣтъ ни денегъ, ни друзей, и ему приходится питаться тюремной пищей, то его судьба достойна сожалѣнія.

Пища скудна и ужасна. Она поставляется подрядчиками, которые, естественно, хотятъ получить какъ можно больше выгоды.

Зимой камеры не отапливаются, а постель „ограничена“ до минимума. Вслѣдствіе этого всѣ неимущіе арестанты почти немедленно заболѣваютъ и умираютъ.

Наказаніе ради наказанія, безцѣльная манера „заставить страдать“, мученіе людей изгнаны, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, изъ уголовного уложенія современныхъ государствъ. Но въ Испаніи до сихъ поръ применяется на практикѣ какъ-разъ обратное.

Случай въ Тудельской тюрьмѣ возбудилъ всеобщее вниманіе и вызвалъ бурю протестовъ.

Оказалось, что директоръ этой тюрьмы, для удобства-ли, или чтобъ избавиться отъ лишннихъ сторожей, или по какому-нибудь другому поводу, — надѣвалъ на заключенныхъ кандалы и приковывалъ ихъ къ стѣнѣ. Днемъ было просто лѣнь снимать съ арестантовъ кандалы, а такъ какъ они въ кандалахъ ходить не могли, то къ судебному слѣдователю сторожа т а с к а л и ихъ, словно какую-нибудь кладь, на снѣгѣ...

Испанскій законъ запрещаетъ, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, надѣвать кан-

дали на арестантовъ. И случай въ Туделѣ открылъ, что неосновательное заковываніе въ кандалы сдѣлалось обычнымъ во всей Испаніи.

Директоръ тюрьмы въ Туделѣ приводилъ въ свое оправданіе, что зданіе тюрьмы очень старо; и онъ даже вынужденъ былъ усиливать ночное дежурство, чтобы предупредить частія покушенія на побѣгъ. Онъ, съ своей стороны, не понимаетъ, къ чему подымать столько шума изъ-за пустяковъ...

Кто приковываетъ арестантовъ „ради удобства“ къ стѣнѣ, очевидно, даже не представляя себѣ, что дѣлаетъ страшную несправедливость, тотъ, конечно, не считаетъ дурнымъ, при случаѣ, наказать арестанта плетью и даже, если онъ причиняетъ лишніа хлопоты своимъ упорствомъ или запираельствомъ, подвергнуть его пыткамъ или — еще проще — убить.

Извѣстно нѣсколько случаевъ, когда арестованные, безъ допроса и слѣдствія, были застрѣлены испанскими жандармами.

Есть, конечно, и человѣколюбивые тюремные чины, но они часто впадаютъ въ крайность и позволяютъ арестантамъ такія вещи, которыя тоже никоимъ образомъ не согласуются съ законами. Подобныя тюрьмы называются въ Испаніи „вѣрными тюрьмами“; тамъ арестанты курятъ, играютъ, пьютъ и проводятъ время весьма пріятно.

Въ одной испанской провинціи свирѣпствовала шайка разбойниковъ, и ее долго не могли поймать, хотя она грабила каждый день, — всѣ разбойники сидѣли въ тюрьмѣ и выходили изъ нея, чтобы хозяйничать на большой дорогѣ... Во-время возвращаясь въ тюрьму, они избѣгали всякихъ подозрѣній. Тюремный сторожъ выпускалъ ихъ каждую ночь, беря съ нихъ „честное слово“, что они возвратятся къ сроку.

Самыя большія испанскія тюрьмы были до сихъ поръ въ Сѣверной Африкѣ, въ Цеутѣ, Мелиллѣ и на Кафаренскихъ островахъ, такъ называемыя „президіа“.

Вслѣдствіе постановленія конференціа въ Алжирасѣ, эти тюрьмы должны быть переведены на Иберійскій полуостровъ, и для этого будутъ расширены тюрьмы въ Фигурасѣ, Таррагонѣ и др.

Демократическое королевство.

Какъ видно, норвежцы не шутя стараются дать демократическое направленіе своему новому королевству. И король Гаконъ уже знаетъ своихъ норвежцевъ настолько хорошо, что не противорѣчитъ имъ.

Едва-ли существуетъ еще гдѣ-нибудь столь простая придворная жизнь, какъ при норвежскомъ дворѣ, едва-ли гдѣ-нибудь обращеніе королевской фамиліи съ народомъ совершается съ большей простотой и достоинствомъ.

Норвежцы называютъ своего короля „честнымъ“ и „храбрымъ“ и старательно остерегаются, какъ бы излишней покорностью не ввести молодого государя въ искушеніе и не помочь ему отступить отъ демократическихъ правилъ.

И г-нъ Михельсенъ, такъ сказать, „духовный отецъ“ короля Гакона, находитъ нужнымъ, отъ времени до времени, дѣлать своему питомцу явные намеки на то, чтобы онъ не оставлялъ безъ вниманія требованій преслѣдующей свои цѣли демократіи.

Тотчасъ же послѣ вѣзда королевской четы въ Христианію, Михельсенъ сталъ называть короля „господинъ король“ и избѣгалъ, во всякомъ случаѣ, титулованія „ваше величество“. Съ тѣхъ поръ уже не разъ было замѣчено, что норвежцы, при всей своей предупредительности и почтеніи, которое они оказываютъ королю, напоминаютъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ царствуетъ надъ демократическимъ народомъ.

Существовали опасенія, что французы, пожалуй, избалуютъ короля Гакона и королеву Модъ во время пребыванія ихъ въ Парижѣ. Такъ или иначе, а государственный министръ побудилъ короля, сей часъ же по возвращеніи, утвердить постановленіе, согласно которому на будущее время всѣ обращенія къ королю просьбы отъ военныхъ должны быть подписаны не „вѣрноподанный“, а просто „съ почтеніемъ“. Это можетъ себѣ позволить даже солдатъ. Въ концѣ концовъ, простой норвежскій гражданинъ будетъ подписываться просто „вашъ“.

Высочайшій въ мірѣ домъ.

(Къ рисунку на стр. 157).

При вѣздѣ въ гавань Нью-Йорка, въ Доунтоуи, среди моря гигантскихъ зданій выросло еще зданіе, которое возвышается надъ всѣми постройками города и, какъ говорятъ, даже всего свѣта.

Это — строящійся домъ Зингера, на нижнемъ Бродвее, который доведенъ теперь до 41-го этажа.

Но этимъ его постройка не окончится: на немъ будетъ еще помѣщена башня въ 6 этажей, и тогда высота этого великана достигнетъ 612 футовъ, и онъ будетъ возвышаться надъ всѣми остальными гигантскими постройками на 200 футовъ...

Это строеніе производитъ впечатлѣніе гигантской башни. Въ Нью-Йоркѣ, въ особенностяхъ въ дѣловомъ кварталѣ, съ землею надо обращаться экономно, такъ какъ она стоитъ 700 долларовъ за квадратный футъ, и потому всѣ постройки принимаютъ все болѣе и болѣе видъ башенъ.

По планамъ, разработаннымъ до мельчайшихъ подробностей, новое строеніе будетъ вѣсить 86,000 тоннъ (тонна — 60 пудовъ). Расчитаны каждая заклепка и каждый гвоздь, потому что все это огромное желѣзное сооруженіе, со стѣнами и поломъ, покоится на 89 стальныхъ колоннахъ, которыя вдѣланы въ твердыя скалы на 90 футъ подъ поверхностью земли, и всѣ расчеты были направлены къ тому, чтобы каждая колонна несла бы одинаковую тяжесть.

Интересно смотрѣть, какъ работаетъ главный руководитель постройки. Этотъ господинъ даже и не подумалъ лазить по отдѣльнымъ этажамъ и тамъ наблюдать, вѣрно-ли все дѣлается. Нѣтъ, онъ сидитъ очень уютно въ бюро, комфортабельно устроенномъ и снабженномъ стѣнами, не пропускающими шума, въ третьемъ этажѣ; около устроены телефоны. Провода идутъ по всѣмъ этажамъ, и архитекторъ можетъ постоянно говорить съ кѣмъ-либо изъ своихъ подчиненныхъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ строеніе, увеличивается и сѣтъ проводовъ.

Въ домѣ Зингера будутъ примѣнены нѣкоторыя нововведенія, которыхъ нѣтъ даже въ самыхъ современнѣйшихъ домахъ-гигантахъ. Движенія отдѣльныхъ лифтовъ будутъ регулироваться въ центральномъ бюро, откуда начальникъ слугъ «liffboys»

дастъ свои указанія, посредствомъ электрическихъ сигналовъ и по телефону. Особенное устройство, родъ стѣнной таблички, по-казываетъ ему постоянно точное положеніе каждаго отдѣльнаго поднятія. Изъ 16 лифтовъ, восемь будутъ «экспрессы-элеваторы», они будутъ останавливаться только у 20-го этажа. Каждый элеваторъ можетъ проходить 600 футовъ въ минуту.

Это строеніе будетъ освѣщаться болѣе, чѣмъ 15.000 лампочекъ, — количество, нужное для освѣщенія маленькаго города. Всѣ лампочки насыщаются электрической станціей, устроенной въ подвалѣ.

Въ каждой комнатѣ дома имѣются краны съ водой для питья, которая фильтруется и имѣетъ температуру сообразно времени года.

Дальнѣйшее нововведеніе — помѣщеніе для чистки одежды. «Пылесосная щетка» въ одинъ моментъ освобождаетъ отъ пыли пальто или шляпу, какъ бы онѣ ни были грязны. Вся пыль отводится въ подвалъ.

На башнѣ будетъ устроены гигантскій прожекторъ, свѣтъ котораго будетъ видѣнъ на разстояніи 100 или даже 130 километровъ, если, конечно, не будетъ заслоненъ вновь выстроенными гигантскими домами.

Находящійся по близости домъ Metropolitan Life Company будетъ украшенъ башнею и будетъ тогда имѣть 49 этажей, считая съ улицы.

Одинъ здѣшній «геній архитектуры» приготовилъ уже планъ постройки въ 150 этажей, ему не хватаетъ только капитала для осуществленія этого плана. Онъ полагаетъ, что ему довольно для этого дѣла отъ 15 до 20 миллионъ долларовъ, не считая стоимости земли. Кто знаетъ, можетъ быть, эта идея и осуществится.

15 лѣтъ тому назадъ и не думали вовсе о зданіяхъ въ 47 этажей, и когда было построено зданіе въ 18 этажей, всѣ приходили въ удивленіе. Теперь на это зданіе уже никто не обращаетъ вниманія, а владѣлецъ его «стыдится» и, чтобы, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ вѣка, дѣлаетъ надстройку.

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій.

Извѣстный критикъ Скабичевскій въ послѣдней книжкѣ „Русской Старины“ дѣлится съ читателемъ своими воспоминаніями о пережитомъ.

Воспоминанія пока обнимаютъ періодъ, предшествовавшій выходу автора въ литературу и носятъ общественный характеръ.

Для нынѣшней минуты очень любопытно параллель современныхъ проявленій жажды освобожденія съ тогдашними. Студенческіе годы Скабичевского падаютъ какъ разъ на 60-тые годы.

„Въ Москвѣ произошло, — рассказывалъ Скабичевскій, — столкновеніе студентовъ съ полиціей. Нѣсколько студентовъ были изувѣчены городскими.“

Поднялся шумъ на всю Россію. Московскіе студенты снарядили депутатовъ, которые развѣзжали по всѣмъ университетамъ и прочили принять участіе. Молодежь горячо вступилась въ это дѣло: были поданы высшему начальству отъ всѣхъ университетовъ петиціи за подписями студентовъ.

Студенты находились въ то время въ болѣемъ фаворѣ: все, о чемъ ни просили они, тотчасъ же исполнялось. Въ настоящемъ же случаѣ на сторонѣ ихъ было общественное мнѣніе всей Россіи. Вообще, въ то время все русское общество находилось въ воинственномъ настроеніи, съ

каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгоравшемся. Казалось, не сегодня — завтра готовилась вспыхнуть революція. Всѣ ея боялись и въ то же время съ нетерпѣніемъ ждали. Толкамъ, спорамъ, разговорамъ, слухамъ — не было конца.

Слухѣти принимали порою крайне фантастическій характеръ. Говорили, напримеръ, о перенесеніи столицы въ Москву или Кіевъ, о томъ, что Вел. Кн. Константинъ пишетъ уже конституцію, что въ скоромъ времени введутъ новый стиль, что академики пересматриваютъ алфавитъ и готовятся выкинуть изъ русской азбуки нѣсколько лишнихъ буквъ и т. п.

Въ народѣ же циркулировали не одни уже слухи, а цѣлыя легенды. Такъ, воскресили старую легенду времени Александра I. Царь, будто бы, узналъ, что сенаторы взбунтовались, услышавъ, что онъ хочетъ отпустить на волю крестьянъ. Заслышавъ объ ихъ бунтѣ, царь смѣло отправился въ сенатъ, думая укротить бунтовщиковъ однимъ своимъ царскимъ словомъ. Но сенаторы, не боясь царскаго гнѣва, потребовали, чтобы царь подписалъ бумагу, закрѣпляющую за ними крестьянъ на вѣчныя времена. Когда же царь отказался отъ этого, они начали его душить и уже затянули шею его шар-

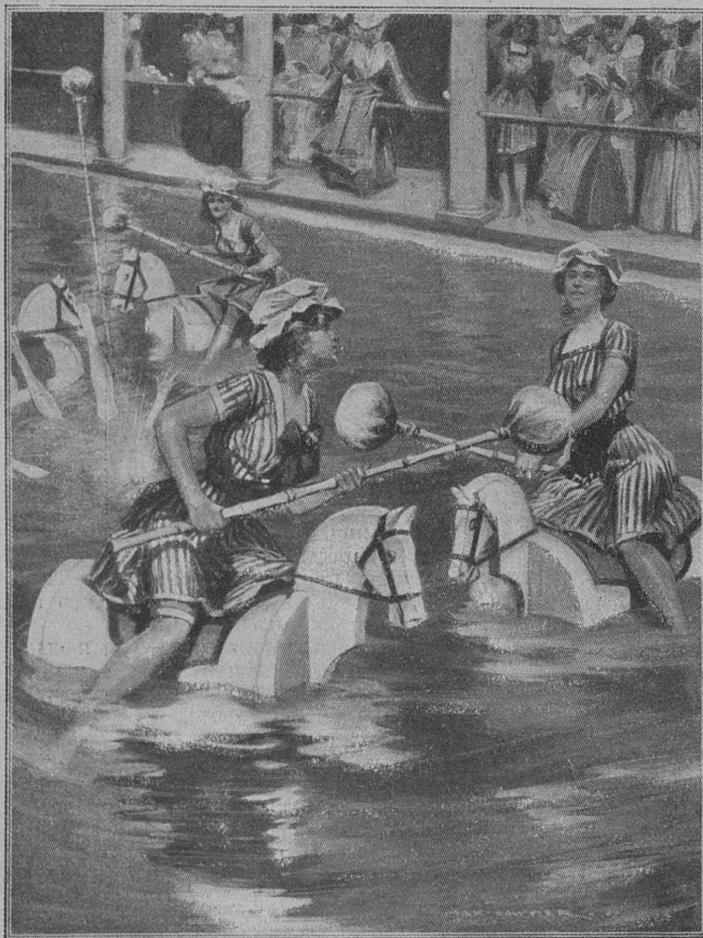
Первый фотографическій снимокъ на борту управляемаго аэростата „Городъ Парижъ“ во время полета надъ Парижемъ, подъ управленіемъ штурмана Капферера.

фомъ. Но въ это время великій князь Константинъ, обезпоясавъ долгимъ отсутствіемъ брата, отправился къ сенату, захвативъ съ собою гвардейскій полкъ. Едва приблизился онъ къ сенату, какъ изъ дверей выскочилъ швейцаръ и вскричалъ:

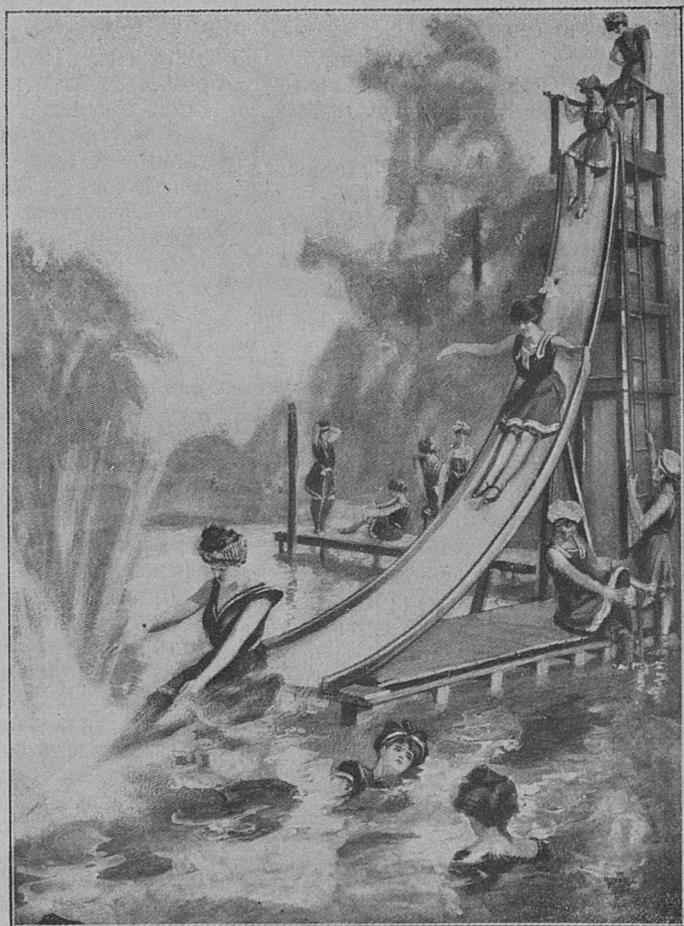
— Ваше императорское высочество, поспѣшите на выручку, а то государя императора задуютъ!

Великій князь былъ такъ растроганъ усердіемъ швейцара, что снялъ съ себя орденъ св. Владимира и повѣсилъ его на шею ему, а самъ поспѣшилъ съ войскомъ въ сенатъ и во-время освободилъ царя отъ рукъ убійцъ. Злодѣи были преданы смертной казни, послѣ которой тѣла ихъ были выброшены на Сенатскую площадь, гдѣ и провалялись нѣсколько недѣль.

Особое озлобленіе чувствовалось въ обществѣ противъ полиціи. И еще бы! Если современная намъ полиція поражаетъ насъ своими дикими азіатскими нравами, доходящими до кровожаднаго мракобѣсія, то можно себя представить, какова была полиція въ тѣ времена, когда нижніе полицейскіе чины грабили по ночамъ прохожихъ въ сообществѣ жуликовъ и, пряча награбленное добро въ своихъ полосатыхъ будкахъ, дѣлили съ ними добычу.

Женскій спортъ въ Англии. — Водяной турниръ современныхъ амазонокъ.

Купанья въ Нью-Йоркѣ. — „Ладеніе“ въ воду.